

ВЕРА БОГДАНОВА

ВЕРА БОГДАНОВА

СЕМЬ
СПОСОБОВ
ЗАСОЛКИ
ДУШ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б73

В оформлении переплета использован дизайн электронной версии книги, подготовленный сервисом «Яндекс Книги», художник — Наташа Васильева, предпечатная подготовка — Константин Парсаданян

Богданова, Вера Олеговна.

Б73 Семь способов засолки душ : [роман] / Вера Богданова. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2025. — 316, [4] с. — (Продолжение следует: Яндекс Книги & РЕШ).

ISBN 978-5-17-168393-1

Вера Богданова — писательница, переводчица, литературный обозреватель. Автор романа «Сезон отравленных плодов», ставшего бестселлером в России и Франции и вошедшего в списки крупнейших французских премий. Лауреатка «Московской Арт Премии», финалистка премий «Национальный бестселлер» и «Сделано в России».

«Семь способов засолки душ» — триллер о сектах, из которого невозможно вырваться.

Ника не любит говорить о своем детстве. Ее отец был главой тоталитарной секты и держал в страхе весь город. Он умер, когда Нике исполнилось двенадцать, но эхо тех преступлений преследует ее до сих пор.

Много лет спустя Ника возвращается в родной Староалтайск и узнает, что в городе мало что изменилось. Девушки-сектантки исчезают снова, их находят уже мертвыми, говорят, что они покончили с собой. Еще кто-то следит за Никой и присылает зашифрованные сообщения. Но как доказать, что это происходит на самом деле, когда все вокруг считают Нику сумасшедшей? И верит ей только Рома, у которого без вести пропала сестра.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Богданова В.О., текст
© ООО «Яндекс Музыка»,
оформление
© ООО «Издательство АСТ»

ISBN 978-5-17-168393-1

*В одном из темных, из подземных коридоров
Внимательная девочка находит
Чему там находиться не положено:
Оно огромное, его не обойти,
Оно заполнило все место для дыхания,*

*И для того чтобы пройти по коридору
(бегом, зажмурившись),
Теперь приходится протискиваться боком:
Там чье-то тело, тело все пространство съело,
Оно замерзло, умерло, ничье.*

МАРИЯ СТЕПАНОВА. Тело возвращается

ДУША ПЕРВАЯ

ВЫДОХ ПЕРВЫЙ

— **С**коро приедем, — говорит он, выезжая из Новосибирска на трассу. «Староалтайск» написано на указателе. Сколько именно километров осталось, Ника рассмотреть не успевает, но число трехзначное. Кажется, не так уж скоро, но ей много чего по жизни кажется, поэтому она не спорит.

Например, ей кажется, что водителя зовут Рома. Переспрашивать и уточнять она не хочет, к тому же сама Ника представилась Мариной — сегодня она чувствует себя как всамделишная Марина. Рома наверняка знает ее настоящее имя, но тоже не уточняет — возможно, из вежливости. Или ему просто плевать: его дело — довезти ее до пункта назначения, а там пусть она называет себя кем угодно, хоть Изабеллой, как вино.

Рома забрал ее прямо от корпуса. Ему дали захватить на территорию больницы, и он поставил пикап напротив крыльца. Сам курил рядом, щурясь от ветра. Между крыльцом и машиной Ника успела сделать лишь два глотка зимнего воздуха, по одному на шаг: раз, два, — дальше Рома распахнул дверь с пассажирской стороны. Эти ледяные глотки Ника

вспоминает все одиннадцать часов дороги. Рада она куда-то ехать или нет? Пожалуй, нет: возвращаться в родной город она не собиралась. Но от нее мало что зависит: за нее планируют, решают, а дальше можно лишь подстраиваться.

На коврике у заднего сиденья лежит пакет, в нем резиновые сапоги с засохшим наростом грязи на подошвах. Окно Ника приоткрыть не может — стеклоподъемник жужжит вхолостую. Рома говорит, что механизм сломан, и опускает стекло со своей стороны. Воздух с улицы приобретает Ромин привкус: табак, дешевый выветрившийся парфюм, пот, жареное мясо и еще что-то, знакомое из детства. Вроде прелой травы на осеннем болоте в лесу.

Роме на вид лет тридцать, и он похож на крупного рыжевато-го пса. Взгляд у него тоже песий — не голодной дворняги с помойки, а пристальный, как у сторожевой собаки, которая неподвижно наблюдает и после бросается, не лая. Но в его компании спокойно. У самых страшных людей, которых Ника знала, были добрейшие глаза.

Когда их пикап подрезают на трассе, Рома набирает скорость, обгоняет подрезавшую их «шкоду», встраивается перед ней и резко тормозит. Затем еще раз. «Шкода» догоняет их по соседней полосе, разбрызгивая жидкий грязный снег. Водитель опускает стекло, что-то кричит, но ветер комкает слова, уносит прочь. Рома молча выворачивает руль, притирает

«шкоду» к отбойнику. Та виляет, бьется бортом, отстает.

— Верещатель нужен? — спрашивает он и, заметив Никино недоумение, добавляет: — Ну, радио.

Ника качает головой. Ей интереснее звуки вокруг: влажный шорох шин по грязи на дороге, урчание двигателя, тиканье поворотника, шум ветра, когда он сгибает редкие голые деревья на обочинах. Мутное, как больной глаз, небо всматривается в происходящее внизу, в петли грунтовок на плоских полях. До самого горизонта пусто, а дальше землю и облака сшивают горы, подкрашенные закатом, розовым, как клубничный зефир, который Ника помнит с детства. Склоны подтаивают, прячутся за вечерней дымкой.

— Красиво, — говорит она.

— Весной и летом красивее, — отзывается Рома. — Все цветет. И видно дальше.

— Наверное, горы тоже лучше видно.

Рома хмыкает.

— Ну не настолько далеко. Но в Республике Алтай красиво, да. Если хочешь, съездим. До Горного от нас часа четыре, в принципе, реально одним днем.

— Я про вот эти, — Ника кивает на клубничные склоны на горизонте. Те приветственно подрагивают, как мягкий живот.

Рома всматривается в ту сторону, переводит взгляд обратно на Нику.

— Ясно, — говорит.

Ника закручивает край своей перчатки с отрезанными пальцами. Дурная привычка, из-за которой край лохматится быстрее и перчатки приходится чаще менять.

Темнеет. Из зимних сумерек выпрыгивают крупные, будто надутые буквы, складывающие слово «Староалтайск». Машина летит по длинному четырехполосному мосту над Обью, крутится на развязке. Затем едет вдоль реки, прочь от центра города.

— Пробки, — поясняет Рома.

Ника следит, как панельные дома сменяются домами частными, деревенский частокол — низкими заборами промзон, заправками. Они выезжают к городку-спутнику и кирпичным хрущевкам, на въезде их встречает стела с гигантским профилем Ленина. По стеле вьется широкая металлическая лента красного цвета, совсем как на советских открытках в честь Дня Победы. Стела и перекресток, углы жилых домов и свет, ложающийся на них, очень знакомы. Ника-Марина никак не может ухватить воспоминание и рассмотреть его подробнее: где и когда она была здесь?

За перекрестком Рома сворачивает в лес. Фонари заканчиваются. Сосны и ели растут близко к дороге, кажется, еще немного, и они начнут чесать крышу машины ветками. Далеко впереди, за прозрачной границей света фар, что-то перебегает трассу.

Они проезжают под остатками пешеходного моста, на нем растянут баннер «Трасса здоровья» и пожелание хорошей дороги. Узнавание нарастает, как гудок приближающегося поезда, голова пульсирует, мигрень наползает неотвратимо — ее тяжелое брюхо давит на затылок, Нику вот-вот стошнит. Она трогает нагрудный карман куртки — в нем лежат таблетки.

— Останови здесь, — просит она, и Рома съезжает на обочину, хрустит коробкой передач. Он поворачивается к Нике. Половина его лица освещена, а половина откушена тьмой — совсем как у Ленина на стеле. Только глаз поблескивает.

— Укачало?

Она хочет сказать нет, но вместо этого кивает. Иногда проще соврать, чем объяснять, в чем дело.

— Сейчас вернусь. Дай сигарету.

Рома делится «пэл мэлом» из мятой пачки.

Сначала Ника курит, стоя на снегу в ярко-желтом свете фар, будто на него разлили масло. Мысы ее ботинок тоже будто в масле. Она рассматривает Ромин пикап: потрепанный, двери поцарапаны, открытый кузов, в который можно положить лося. Мимо проносятся машины, поднимают воздушные волны, и те бьют Нику в бок, толкают к лесу. Она не курила, пока была в больнице, и мир слегка плывет. Боль в затылке усиливается.

Докурив, Ника вынимает из кармана блистер с обезболивающим, глотает таблетку. Натягивает

шапку, заправляет под нее пряди коротких вьющихся волос, после включает фонарик на телефоне и лезет через сугроб на обочине. Ты куда, кричит вслед Рома из машины. Ника кричит, что в туалет, огибает покосившуюся беседку для пикника. Она заходит в лес медленно, как в ледяную воду. Снег забивается в раструбы высоких ботинок, где тает, щиколоткам холодно. Тьма намерзает на лицо слоями.

Свет фонарика ложится на указатель лыжной трассы. Ника погружает руку в снег под ним, и пальцы упираются в голую кость, ниже проваливаются в пустые глазницы. Череп косули — все еще на месте, надо же. Ника выключает телефон.

Глаза привыкают к ночи, та светлеет. Проступают контуры деревьев, пульсируют в такт сердцебиению. Ветер свистит, и что-то звенит, как подвески на качающейся люстре. За кустарником и сосновыми стволами движется тень — коренастая, большая, на холке горб.

Медведь.

Ника не шевелится. Медведь беззвучно обходит ее по дальнему кругу. В какой-то момент скрывается из виду, его тень сливается с другой тьмой, и Ника вновь одна. Шарф от дыхания намок, теперь он липнет к подбородку.

Хрустально звенит слева. Тьма уплотняется, и чей-то взгляд изучает Нику, она чувствует его щекой.

— Выходи, — говорит она.

Если включить фонарик, то слабый мазок света выхватит пепельные волосы, женскую грудь и живот, нарывы на бедрах и сгибах локтей, татуировку на левом боку, темную, будто волглая полость. И белая кожа будет искриться, как заиндевевший лес зимой. Будет *сиять*.

Это если включить, но телефон с фонариком лежит в кармане.

Темнота липнет к пуховику, втекает через ноздри..

— Ника! Ника, твою мать! — доносится крик Ромы.

Все-таки знает ее имя, надо же.

Ника вздрагивает, моргает. Звуки делаются громче, слышен шум машин со стороны шоссе. Во рту расплзается медикаментозная горечь. Мороз кусает лицо, немеет кончик носа. Хруст сминаемого снега приближается, по синеватому насту вытягиваются две тени — одна принадлежит Нике, другая Роме. Кроме них в лесу нет никого.

Ника оборачивается и щурится от фонарика, направленного в лицо.

— У тебя все нормально? — Рома явно интересуется не самочувствием.

— Просто задумалась.

— А лучше тебе думается хуй знает где в лесу. Я понял, не дурак.

Он пропускает Нику вперед, сам идет следом, судя по тихой ругани — проваливаясь в снег.

Увидит ли он Белую деву, если обернется? Отблеск света в ее распахнутых глазах, подернутых